

Московские стрельцы: художественный стереотип и реальность самосознания

В статье рассматриваются стереотипы восприятия образов и действий московских стрельцов XVII в., предлагаются версии и подходы к пересмотру стереотипных представлений на основе исследования самосознания стрельцов в категориях культурной истории.

Ключевые слова: стрельцы, стрелецкие восстания, царевна Софья, Петр I, культурная история.

Классический стереотип московского стрельца знаком любому и сразу же вызывает в памяти плечистого бородатого детину в остроконечной шапке, красном кафтане с обязательными рядами нашивок-застежек на груди, с непонятной перевязью со странными подвесками, с огромным топором на длинной рукоятке, на который надо обязательно опереть ствол пищали перед выстрелом, и забавных сапогах с загнутыми носами. Стереотип распадается на две противоположности. Первый и наиболее часто встречающийся – стрелец-бунтарь, страшный чернобородый громила, иногда с серьгой в ухе, агрессивный пьяница, жаден до денег и благ жизни, традиционно склонен к бунту, консервативен и враждебно настроен ко всему новому, особенно европейскому, будь то костюм или военный опыт. Такие убеждения автоматически делают стереотипного стрельца естественным и убежденным врагом Петра I и его реформ. Второй, крайне редкий тип, – стрелец-молодец – жизнерадостный молодой парень, с небольшой бородкой либо вовсе без нее, верный друг, отличный воин, храбрец и удалец, патриот, вне политики или горячий сторонник законного царя. Существует и еще один аспект стрелецкого стереотипа, связанный с их внешним

видом, согласно которому стрельцы обязательно одеты в красное. Другой цвет одежды может принадлежать или врагам, или другим родам войск, но стрельцы должны быть только в красном.

Самое первое появление московских стрельцов в художественной литературе, и, следовательно, в массовой культуре, состоялось в «Повести о Савве Грудцыне»¹, вышедшей и ставшей широко популярной в России во второй половине XVII в. В этом произведении московские стрельцы показаны абсолютно положительно. Главный герой после долгой и трудной службы в солдатском полку «нового строя» за храбрость и заслуги был переведен из солдат в московские стрельцы, что рассматривалось как удача и большая честь. Таким образом, молодой солдат получал повышение в сословной структуре российского общества и становился из солдата членом элиты «служилых людей по прибору». При этом «Повесть» всячески подчеркивала, что в московские стрельцы Савва Грудцын попал, так как сумел показать, что является лучшим из лучших и достоин такой чести. Стоит отметить, что народный фольклор сохранил ряд пословиц и поговорок, показывающих уважение общества к службе московских стрельцов, их риску и, конечно же, отдающих дань их смекалке и коммерческим способностям: «в стрельцы добрая ставка, да выставка лихая», «стрелец стреляет, да о мошне не забывает», «стрелец что купец – оплошного ищет» и т. д.

Стрелецкие восстания 1682 г. и 1698 г., события которых легли в основу творчества художников, писателей и драматургов XIX в., в конце XVII – начале XVIII в. не сказывались на добром имени стрельцов. В фольклоре отразилась стрелецкая удадь и констатация недопустимости выступлений против власти (нарушения присяги). Историческая песня «Стрелецкий бунт» не обвиняет стрельцов, но подчеркивает, что за их провинность, мятеж против царя, может быть только одно наказание – смерть: «Мы за эту же тебе за проступочку, мы возьмем три города столичных. Без фуражу твоего возьмем, без жалованья, без свинца твоего, без пороху» – «Мне не надо твоих три города столичных, прикажи ты своим стрельцам, добрым молодцам, чтобы с топорами шли, все со плахами»².

1 мая 1716 г. в театре царевны Натальи была показана трагедия «Стрельцы»³. Текст трагедии, написанный самой царевной, не сохранился. Тем не менее Ю.К. Бегунов на основании косвенных источников предполагал, что в трагедии говорилось именно о восстании 1698 г. «Физические расправы (страшные массовые казни стрельцов) вряд ли нашли отражение в пьесе. Вероятно,

“оратор”, так как он ведущий, лишь прочитал зрителям в конце мораль о вреде бездумных выступлений против власти, и тем дело и кончилось»⁴. Как и в исторической песне, критике подвергалось само выступление против власти, нарушение присяги, но не стрельцы как таковые. Звание «стрелец» не было синонимом слова «изменник».

Первая негативная оценка московских стрельцов, точнее, их участия в политическом кризисе в России в конце XVII в., содержалась в воспоминаниях современников – А.А. Матвеева и П.Н. Крекшина. Сын зверски замученного восставшими стрельцами боярина А.С. Матвеева не пожалел черной краски для убийц отца, называя их «злым и Богу противным родом и чином»⁵, и при этом забыв, что Артамон Сергеевич более четверти века был головой третьего московского стрелецкого приказа, лично участвовал в штурме Смоленска 1654 г. и ряде других операций и своей службы нисколько не стыдился. П.Н. Крекшин сопровождал свою работу «Повесть о зачатии и рождении Петра Великого» целой серией рисунков о событиях Восстания 1682 г., на которых московские стрельцы огромными топорами рубят бояр Нарышкиных и т.п. Широкому обществу эти источники были слабо известны, а литераторы обратили свое внимание на историю России XVII в. не ранее появления исторических трудов по этой тематике в XIX в.

Н.М. Карамзин в своей «Записке о древней и новой России» упомянул стрельцов, снабдив их негативным эпитетом: «Явился Петр. В его детские лета самовольство вельмож, наглость стрельцов и властолюбие Софьи напоминали России несчастные времена смут боярских...»⁶. Карамзин не занимался историей стрелецкого войска. «История государства Российского» доведена автором до времен Смуты, вопросы истории России XVII в. не рассмотрены. Своим замечанием историк положил начало сакрализации любых действий Петра Первого и огульной критике московских стрельцов. Дальнейшее развитие эта «антистрелецкая» точка зрения получила в работе Н.П. Погодина. Историк упомянул о стрельцах в статье о Петре Первом, в которой обосновывал необходимость реформ по образцу европейских стран, проводил аналогии с развитием древней Руси и норманнами: «Петр преобразовал войско: не посоветуют ли Петру пощадить стрельцов? Я согласен, что в их истории есть несколько пиитических моментов, но оставить их на свободе после бунтов в пользу Софьи и ее любимцев, готовых верить всякой лжи и проливать какую угодно кровь, оставить их с тем, чтоб из них, с первыми удачными опытами, сделались опричники или преторианцы, не подумаю ни на минуту, несмотря на их

национальность...»⁷. Погодин не ставил цель исследовать проблематику стрельцовой истории. Его статья является полемическим текстом – перечнем успехов Петра Первого, прославлением его достижений. Критика стрельцов подана своеобразно. Фраза была построена так, что критика стрельцов кажется естественной, не вызывающей сомнений. Сравнения с опричниками, преторианцами и намек на янычар призваны были вызвать в сознании читателя или слушателя аналогии, доказывающие, что стрельцы – это варварское, анахроничное войско. Эти риторические формулы были приняты его последователями как абсолютная истина, не подлежащая сомнению. Погодинская точка зрения оказала большое влияние на исторические взгляды Соловьева.

Роман Константина Масальского «Стрельцы»⁸, появившийся в середине XIX в., рассказывал о событиях восстания 1682 г. Московские стрельцы в этом произведении показаны двойственно. С одной стороны, как бунтовщики и противники молодого Петра, с другой – как соратники и помощники самодержца. Главный герой, молодой стрельцкий сотник, к концу романа становится капитаном, а затем – майором гвардии.

Московские стрельцы как бунтовщики, без каких-либо оговорок, показаны в либретто оперы М.П. Мусоргского «Хованщина»⁹. Композитор слабо разбирался в реалиях XVII в., поэтому в самом либретто фигурируют сцены, ничего общего с реальной историей не имеющие, например, прилюдное ухаживание старого князя Хованского за девушкой-немкой и т. д. Тем не менее «Хованщина» является своеобразным ярлыком, точкой отсчета начала формирования стрельцкого стереотипа. Впервые для широкой общественности стрельцы получили однозначную и никем не оспоренную характеристику бунтовщиков и мракобесов. В сочетании с великолепной картиной В.И. Сурикова «Утро стрельцовой казни» опера стала значимой вехой в складывании образа стрельцов – фанатичных противников Петра I.

Дальнейшее развитие и оформление стрельцкий стереотип получил в романе А. Толстого «Петр Первый». «Красный граф» показал московских стрельцов как сословие, полностью не способное воевать в изменившихся условиях, погрязшее в своих «ремеслах и промыслах» и готовое драться за них насмерть, наперекор воле царя-реформатора. Но в лобовом столкновении с молодой армией новой России стрельцы проигрывают сразу же и окончательно, демонстрируя свою отсталость и профессиональную непригодность. А. Толстой практически слово в слово повторил точку зрения С.М. Соловьева, работа которого, судя по всему, была ос-

новным источником информации для писателя. Тезисы о слабой боеспособности стрельцов, их превращении в «полицейскую силу» принадлежат именно Соловьеву¹⁰. Также Толстой закрепил красный цвет униформы за стрельцами. В тексте романа постоянно мелькают «клюквенные кафтаны». После выхода романа Толстого стрелецкий стереотип можно считать окончательно сложившимся. В дальнейшем ему следовали как историки, так и представители творческой культуры.

Не в последнюю очередь на складывание стрелецкого стереотипа повлияло то обстоятельство, что московские стрельцы получили положительную оценку от дореволюционных и советских историков только применительно к эпохе Ивана Грозного. В Смуту подвиги стрельцов отдельно никто не выписывал. В эпоху Алексея Михайловича стрельцы, как «старый строй», а значит, отсталые, устаревшие, противопоставлялись передовым и прогрессивным полкам «нового строя». В эпоху Петра стрельцы автоматически зачислялись в бунтовщики и враги прогресса. Писатели, добросовестно изучая исторические труды, копировали устоявшиеся историографические штампы. Интересно, что в шуточной пьесе Л. Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца» главный герой выведен как охотник, в древнем значении слова «стрелец» – «стрелок». Но сложившийся стереотип заставил всех иллюстраторов, костюмеров и даже реквизиторов и мультипликаторов надеть на Федота красный кафтан.

В кинематографе московские стрельцы фигурируют в комедии Л. Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию» и исторической эпопее «Юность Петра», «В начале славных дел» и фильме «Россия молодая». У Гайдая стрельцы выступают как затянутый в красные кафтаны фон для ключевых персонажей. В эпопее, снятой по мотивам романа А. Толстого «Петр Первый», стрельцы показаны и как бунтари, враги молодого царя-реформатора, и как его верные слуги и соратники, защитники России. Однако всемогущий стрелецкий стереотип снова заставил костюмеров одеть всех стрельцов в красные кафтаны.

В последнее время московские стрельцы в качестве второстепенных и фоновых персонажей появились в историческом детективном романе Б. Акунина «Алтын-толобас». Автор, следуя изученным им источникам, отказался от поголовья красных кафтанов. Слабое знание культурных реалий России и Европы XVII в. породило ряд несуразиц в тексте романа. Так, караул московских стрельцов, одетых в светло-оранжевые кафтаны и зеленые шапки, показан глазами главного героя, немецкого дворянина, как неле-

пый и смешной. Если учесть, что в России и Европе XVII в. любили многоцветье, если знать, с какой пестротой любили одеваться европейские военные (стоит вспомнить тех же мушкетеров Дюма, кружева Арамиса и перевязь Портоса), и если учитывать, что московские стрельцы были одеты в форменные кафтаны из дорогого импортного голландского сукна, которые могли вызвать зависть, восторг, но никак не смех, то очевидно, что автор пал жертвой сложившегося негативного стрелецкого стереотипа. Тем более что в романе все дворцовые караулы почему-то доверены иноземцам или вымышленным подразделениям, тогда как в реальности их несли московские стрельцы.

В заключение можно сказать, что стрелецкий стереотип, а именно традиция изображать московских стрельцов как бородатых бунтарей в красных кафтанах, своей живучестью напоминает другой популярный стереотип, относящийся к элите польской тяжелой кавалерии XVII в. – гусарам. Если польский гусар, то обязательно с белыми крыльями за спиной. Так же как стрелец – только с бородой, только в красном, и обязательно против царя-реформатора. Интересно, что в фильме «Слуга государев» атаманом шайки польских (!) разбойников выведен беглый московский стрелец. А в мультфильме «Крепость» об обороне Смоленска в 1611 г. вновь мелькают стрельцы в красных кафтанах, которых у воинов смоленского гарнизона никогда не было.

Московский стрелецкий корпус во второй половине XVII – начале XVIII в.

Вопреки сложившемуся стереотипу, московские стрельцы прошли долгий и славный боевой путь, который начался в 1654 г. и закончился в 1708–1713 гг. Весной 1655 г. командование полностью переформировало московский стрелецкий корпус, понесший значительные потери в ходе кампании 1654 г. и эпидемии чумы¹¹. После этого сложилось негласное деление на приказы «первого» и «второго десятка», или, по другой терминологии, на «тысячные» и «семисотные»/«пятисотные». Первые направлялись в действующую армию или в состав гарнизонов крупных приграничных военных баз (Белгород, Киев), вторые несли службу внутри государства, выполняя функции, аналогичные внутренним войскам МВД. Именно внутренняя служба в Москве и по городам дала основание исследователям упрекать московских стрельцов в «полицейских функциях» и даже

обвинять в «превращении в полицейскую силу» и «утрате боеспособности». В сложной социально-политической обстановке московские стрельцы, благодаря своей верности и стойкости, не раз использовались для решения внутренних проблем государства силовыми методами, не переставая быть боевыми частями русского войска. История знает большое количество примеров использования суверенами наиболее верных и боеспособных войск во внутренних конфликтах.

В 1655–1667 гг. московские стрельцы участвовали во всех основных сражениях (кроме битвы при Кушликовых горах 8–25 октября 1661 г.). Оборона Могилева и Витебска (зима–весна 1655 г.)¹², штурм Динабурга (31 июля 1656 г.)¹³, осада Риги (21 августа – 5 октября 1656 г.)¹⁴, «Щекавчищина» (оборона Киева 22–24 августа 1658 г.)¹⁵, битва при с. Верки (11 октября 1658 г.)¹⁶, штурм и осада Конотопа (29 апреля – 28 июня 1659 г.)¹⁷, битва под Конотопом (третий этап битвы, 2–10 июля 1659 г.)¹⁸, битва под Полонкой (18 июня 1660 г.)¹⁹, битва на р. Бася (при с. Губарево 28 сентября 1660 г.)²⁰, битва на р. Суя (21 октября 1660 г.)²¹ являются примерами стойкости и выучки московских стрельцов.

В 1667–1680 гг. в московском стрелецком корпусе шел процесс обогащения личного состава за счет зачисления ветеранов солдатских полков «нового строя»²². Различия между стрельцами и солдатами в комплексе вооружения, уставах и системе подготовки не существовало, поэтому слияние проходило без осложнений. Командование сохраняло кадры обученных и обстрелянных пехотинцев, солдаты переходили в служилое сословие из податного, а московские стрелецкие приказы получали, таким образом, опытное пополнение, что только повышало уровень их боеготовности. Не вызывает сомнений тот факт, что подобная практика сложилась в результате Тринадцатилетней и русско-шведской войн.

Во время Первой Чигиринской кампании московские стрельцы находились в составе гарнизона осажденной крепости²³. Сам факт наличия московских приказов в гарнизоне показывал важность этого города для царской администрации. В ходе турецкой осады стрельцы, наряду с другими подразделениями гарнизона, вели активную контрбатареиную и противоминную борьбу, регулярно участвовали в вылазках на турецкие траншеи.

Во Второй Чигиринской кампании московские приказы стояли и в гарнизоне, и в полевой армии боярина Ромодановского и блестяще проявили себя в полевом сражении за Стрельникову гору²⁴. Московским стрелецким приказам пришлось атако-

вать в лоб вражескую позицию, укрепленную на высоком холме с крутыми склонами. Стрельцы сумели сбить турок с поля, несмотря на сильный встречный мушкетно-пушечный огонь, применение противником ручных гранат и частые контратаки. Более того, московские приказы, грамотно использовав переносные заграждения – «рогатки» и приказные пушки, сумели удержать турок на дистанции выстрела, не позволив им прорваться врукопашную.

Во время обороны Чигирина стрельцы защищали выделенные им участки городских укреплений, регулярно ходили на вылазки, как и во время первой осады. После приказа оставить крепость московские приказы сумели покинуть город без паники, которая, как утверждал П. Гордон, охватила гарнизон.

Во время Медного бунта 1662 г. московские стрельцы защищали царя и его семью. По приказу монарха стрельцы атаковали мятежников и подавили восстание²⁵.

Восстание Степана Разина стало жестокой проверкой лояльности московских стрельцов²⁶. Так, приказы, входившие в состав гарнизона Астрахани, были уничтожены казаками, но не сдались. Также погибли в бою московские стрельцы из гарнизона Царицына. Разинцам удалось разгромить сводный приказ головы И. Лопатина и даже взять многих стрельцов в плен. Стрельцы, по данным источников, старались бежать при первой же возможности, несмотря на опасность погони и неминуемой смерти. Случаи перехода московских стрельцов на сторону повстанцев были единичны. Именно московские стрельцы составили костяк обороны Симбирска, который разинцы так и не смогли взять ни штурмом, ни осадой. Московские приказы продемонстрировали свою стойкость и верность присяге и в решающем сражении под Симбирском, и в контрпартизанской борьбе в Среднем Поволжье, где действовали в составе сводных тактических групп по выявлению и уничтожению повстанческих отрядов.

Военная реформа В.В. Голицына, направленная на реконструкцию вооруженных сил России, оказалась неудачной для московского стрелецкого корпуса²⁷. Реформа, которую князь проводил в условиях тяжелейшего экономического кризиса в России, требовала средств. Поэтому князь, воспринимавший пехоту как второстепенный, по сравнению с кавалерией, род войск, сэкономил на московских стрельцах. Голицын провел унификацию чинов и званий русской пехоты, чем понизил положение и статус московского корпуса вместо того, чтобы поднять солдат «нового строя» до уровня стрельцов путем предоставления солдатам ряда стрелецких

привилегий. Приказы были переименованы в полки, как у солдат, что также являлось для стрельцов потерей статуса, так как «новый строй» всегда считался ниже «старого строя».

Все это привело к открытому восстанию в 1682 г., в ходе которого московские стрельцы стремились завоевать себе новое место в новом мире и были использованы как инструмент силового давления в борьбе придворных группировок²⁸. После победы Петра над Софьей стрельцы продолжали служить. Московский корпус участвовал в Крымских походах В.В. Голицына и пережил ротацию, во время которой полки, наиболее активно участвовавшие в событиях 1682 г., были переведены из столицы в города – центры военных округов-«разрядов» (Новгород, Белгород, Казань). Произошло своеобразное перемешивание личного состава московских и городских стрелецких полков, что значительно облегчило в дальнейшем переход стрельцов в солдаты.

Петр I осуществил те необходимые русской пехоте преобразования, которые не смог сделать В.В. Голицын. Солдатам были предоставлены некоторые стрелецкие привилегии – униформа, налоговые льготы и т. д. Опыт элитных внесловных частей – московских стрельцов и выборных полков был учтен при создании гвардии. Верность, стойкость и умелая стрельба, ранее считавшиеся отличительным признаком московских стрельцов, стали обязательными для всей пехоты. Азовские походы и Северная война помогли стрельцам интегрироваться в новую армию. Восстание четырех полков 1698 г. не было масштабным выступлением всего московского корпуса, как в 1682 г., и не оказало большого влияния ни на переход стрельцов в солдаты, ни на боеспособность стрелецких полков²⁹. Это подтверждают факты участия московских стрельцов в Северной войне: в битве под Нарвой (19–20 ноября 1700 г.), при Эрестфере (29–30 декабря 1701 г.), при Гуммельсгофе (18–19 июля 1702 г.), под Салатами (18–19 марта 1703 г.), при Якобштадте (26–27 июля 1704 г.), при Фрауштадте (2–3 февраля 1706 г.), под Клецком (19–20 апреля 1706 г.), при Опошне в составе Каргопольского пехотного полка (7–8 мая 1708 г.), под Полтавой в составе Ренцелева, Ямбургского и Каргопольского полков (27–28 июня 1708 г.)³⁰. Подвиг Ренцелева (Саксонского) полка в битве при Фрауштадте и беспримерный переход из Саксонии в Польшу по вражеской территории без снабжения и боеприпасов, стойкость Ямбургского полка при обороне полтавских редутов являются наиболее яркими примерами боеспособности московских стрельцов в Северной войне.

Боеспособность московских стрельцов

Исследователи и вслед за ними драматурги отказывали московским стрельцам в боеспособности. Термин «боеспособность» критики стрельцов понимали исключительно в сравнении с армией Петра I, не учитывая иных трактовок. В России второй половины XVII – начала XVIII в. царская администрация вкладывала в термин «боеспособность» совершенно другое значение. Боеспособность складывалась из шести морально-этических и двух профессиональных критериев, которые возможно проследить по данным источников.

Самым главным было требование безусловной верности присяге вне зависимости от каких бы то ни было обстоятельств. Московские стрельцы должны были быть готовы выполнить любой, даже самый необычный или невозможный приказ царя и своих командиров, не отступать, не бежать со службы и с поля боя и не сдаваться в плен по собственному почину. Вторым по значению был критерий стойкости на поле боя при любом варианте развития событий. Московские стрелецкие приказы вместе с выборными солдатскими полками должны были «цементировать» боевые порядки русской пехоты, идти в первых рядах в наступлении, обеспечивая общий натиск, и стоять насмерть в обороне, пресекая панику и бегство. Третий критерий, дисциплина, должен был обеспечивать выполнение первых двух. Четвертый критерий, служба прежде личной выгоды, должен был ограничивать предпринимательскую деятельность московских стрельцов как представителей своего сословия, умевших использовать преимущества своего социального и служебного положения. Данный критерий выдвигался, но на его нарушения власти были готовы время от времени закрывать глаза при неукоснительном соблюдении московскими стрельцами первых трех, или даже одного первого. Пятый критерий, уровень физической подготовки и состояние здоровья, позволяющие нести стрелецкую службу, был закономерным для воинских частей, постоянно участвовавших в боевых действиях. Шестой критерий, происхождение, был самым условным из всех. В московские стрельцы не зачисляли только иноземцев в первом поколении и иноверцев, хотя к 1700 г. это правило уже не соблюдалось.

Профессиональные критерии боеспособности московских стрельцов включали в себя умение быстро и метко стрелять – «из самопалов стрелять ловки», и знание пехотной тактики, своего места в строю и обязанностей на поле боя – «солдатский бой заобычай». Царь отдельно выдвигал требование стойкой стрельбы,

т. е. умения подпустить атакующего врага на дистанцию кинжального огня, меткости и убийности стрельбы. Специальные требования по владению холодным оружием и навыками рукопашного боя не выдвигались, т. к. считались излишними для пехоты.

Социальное положение московских стрельцов было максимально адаптировано для успешного соответствия указанным выше критериям. Московские стрельцы регулярно получали денежное, хлебное и суконное жалованье вместо пахотных земель, и это обуславливало высокий уровень мобильности всего корпуса. Московские приказы, не связанные с аграрными работами и не привязанные к пашне, можно было поднять по тревоге в любое время и в кратчайшие сроки выдвинуть в поход. Также стрельцы пользовались значительными налоговыми и судебными льготами. Государство обеспечивало стрелецкие семьи в случае гибели или попадания в плен кормильцев, регулярно выплачивало пособия раненым и увечным, материально поддерживало последних и семьи погибших, организовывало и оплачивало лечение раненых. Пополнение московских приказов осуществлялось как естественным способом, за счет стрелецких семей, так и более приоритетным для власти путем зачисления в московский корпус солдат «нового строя» – ветеранов, специально отобранных «даточных людей» и лучших городских стрельцов.

Жалованье являлось не просто основой благосостояния московских стрельцов, а вещественным доказательством благоволения морально-политической константы – государя, помазанника Божия. Царь был источником существования московских приказов. Именно ему стрельцы приносили присягу в церкви, целуя крест и Евангелие, за него сражались с любым врагом, будь то турки, поляки или разинские повстанцы, за царя страдали в плену и умирали от ран и болезней.

На практике «боеспособность» чаще всего включала в себя только три критерия: верность присяге, стойкость и умение быстро и метко стрелять. Установить, соответствовали ли московские стрельцы этим критериям, возможно только путем анализа участия московского корпуса во всех основных сражениях с 1655 г. до 1708 г., от обороны Могилева до Полтавской битвы.

Боеспособность, понимаемая как сочетание верности присяге, стойкости и отличной выучки (меткой стрельбы), являлась неотъемлемым качеством московских стрельцов в 1655–1708 гг. Власть никогда не противопоставляла стрельцов и солдат, более того, была заинтересована в слиянии этих видов русской пехоты. Процесс такого слияния и превращения московского стрелецкого корпуса во

внесловное соединение начался в 1655 г., после массового перевода городских стрельцов в московские, и продолжился до воцарения Петра I за счет практики зачисления солдат-ветеранов в стрельцы. В ходе петровской военной реформы стрельцы, фактически ничем не отличавшиеся от полков «нового строя», окончательно перешли в солдаты, не утратив своей боеспособности.

«Служилое платье»

Красные кафтаны являются значимой частью стрелецкого стереотипа. В силу этого обстоятельства следует подробнее коснуться вопроса «служилого платья» московских стрельцов.

Прежде всего следует отметить, что красный цвет не был единственным цветом униформы московских стрельцов. Цвета различались по приказам (полкам) и представляли собой богатую палитру: черевчатый, белый, светло-зеленый, малиновый, «мясной», луковый, «серо-горячий» (т. е. цвета самородной серы, светло-желтый. – А.Л.), темно-зеленый, лимонный, синий, багровый, голубой, светло-лазоревый, вишневый, «яринный» (насыщенно-зеленый), брусничный, гвоздичный, красно-малиновый, «осиновый» (бледно-зеленый), коричневый, крапивный, темно-коричневый, песочный, синий³¹. Никакого красного однообразия в «служилом платье» московских стрельцов не было.

Обеспечение стрельцов «служилым платьем», как в готовом виде, так и сукном на его «постройку», носило регулярный характер. Этот порядок сложился задолго до 1670-х гг., в частности о нем упоминал Г.К. Котошихин: «Да им же всем дается на платье ис царские казны сукна ежегодно...»³².

А.В. Малов впервые оспорил гипотезу о ношении стрельцами повседневных нецветных кафтанов: «Цветные кафтаны московских стрельцов были показателем их элитарности, а не “парадным мундиром”»³³.

До настоящего времени обнаружены подробные данные по фактам закупки большой партии разноцветных сукон. В 1676 г. закупка была осуществлена через Ягана (Иоганна) Фангорна и кашашевца Фёдора Силина. Судя по упоминаниям в деле «Росписи стрелецких кафтанам старым по цветам», «Росписи писано по записи сколько каких сукон цветами принять на той росписи отмечено цвет по приказом» и «Росписи сколько сукон в которые приказы велено принять», речь шла о снабжении сукном всех приказов московских стрельцов. Отдельным пунктом Фангорну было указано довести

сукон «...цветов лимонного, желтого, червчатого», которых оказалось недостаточно³⁴. Судя по известному «белокуровскому списку» расцветок стрелецких кафтанов, датированному 1670–1671 гг., эти сукна предназначались для раздачи в Стремянной приказ (голова в 1671 г. – Яков Соловцов, в 1676 г. – Юрий Лутохин), девятый приказ (голова в 1671 г. – Тимофей Полтев, в 1676 г. – он же). Что же касается «желтого» сукна, то оно могло предназначаться шестому приказу (луковый цвет, голова Богдан Пыжов), седьмому приказу («серогорячей» цвет, голова Никифор Колобов) или двадцать третьему приказу (песочный цвет, голова Афанасий Лёвшин) (более четкая атрибуция цвета невозможна в силу того, что в известных росписях расцветок стрелецких кафтанов непосредственно «желтый» цвет не назван)³⁵. Вторая крупная партия сукна была закуплена и привезена в Россию шведским купцом Эвертом Стралборном в 1672 г.: «И в прошлом же во 180 году бил челом великому государю... свеянин иноземец Эверт Стралборн, ...привезено к нему из Великого Новагорода 127 половинок сукон амбурских розных цветов, и те сукна взяты у него великого государя казну и розданы стрельцом... И те де сукна великого государя в казну взяты и стрельцом розданы, а за них выдано по цене по 9 рублей за половинку; и великому государю бил челом, чтоб великий государь пожаловал с тех сукон своих великого государя пошлин имать не велел для того, что те сукна перед рядовою ценою взяты дешевле и рядовых сукон плотнее и тяжелее...»³⁶. В источниках строго оговорена конкретная марка сукна – «онбургское» («анбургское», т. е. гамбургского (голландского) производства), так как только сукно этого типа соответствовало всем предъявляемым требованиям: «яркая чистая расцветка, определенная плотность, коротко стриженный ворс и максимально широкие кромки. Сукно должно быть носким, то есть не линять ни от воды, ни от длительного хранения и не иметь усадки при моченье, а также соответствовать установленным характеристикам качества, а именно: по всему полю одинаковый окрас, без полос, пробелов и неровностей другого оттенка, отсутствие гнили, дыр, повреждений насекомыми, загрязнений и морщин. Длина и ширина целого рулона ткани не должны отличаться от принятых стандартов, не допускались тянутые... сукна...»³⁷.

К 70-м гг. XVII в. в московские стрельцкие приказы поступало дорогое цветное импортное сукно в достаточном количестве. Если сукна конкретного вида не хватало, проводились дополнительные закупки. Возможно утверждать, что благодаря продуманному и отлаженному механизму снабжения тканью все стрельцы одного приказа носили кафтаны из сукна «своего» цвета.

Утверждения о том, что московские стрельцы сами не шили «Государево служилое платье», придерживаются практически все исследователи вопроса стрелецкой униформы, ссылаясь при этом на известный документ – царскую грамоту о наказании стрелецких полковников за притеснения московских стрельцов, в том числе и за то, что «и кафтаны цветные с золотными нашивками, и шапки бархатные, и сапоги желтые неволею ж делать им (т. е. стрельцам) велел...»³⁸. Однако существует свидетельство А. Мейерберга, по которому следует, что стрельцы шили кафтаны самостоятельно: «сами стрельцы шьют себе кафтаны, прикупая на свой счет приклад; однако ж отставные должны сдавать это платье новобранцам, или их наследники после их смерти казначею, для употребления других поступивших на место умерших...»³⁹. Думается, что противоречия здесь нет. Между данными приведенных документов существует временная разница практически в сорок лет, за которые порядок пошива кафтанов мог меняться. Среди московских стрельцов было много ремесленников – портных⁴⁰, поэтому возможно предполагать, что домашнюю одежду московские стрельцы изготовляли или покупали сами, а «Государево служилое платье» получали готовым из казны либо шили его как заказ из царских мастерских за соответствующее вознаграждение.

Внешний вид стрелецкого кафтана возможно установить по изобразительным источникам. Единственным временным отрезком, в котором сконцентрированы несколько бесспорных изображений московских стрельцов, является начало 70-х гг. XVII в. (1671–1674 гг.): чертеж «Отпуск стрельцов водяным путем на Разина» (1671 г.), иллюстрации из «Книги об избрании на превысочайший престол великого Российского царства великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича Всеа Великия Росии самодержца» (1672–1673 гг.) и рисунки шведского резидента Э. Пальмквиста (1673–1674 гг.). Научно обоснованная реконструкция служилого платья возможна с опорой именно на эти источники. Другие изображения либо разрознены и далеки друг от друга по времени, либо спорны.

В одном из источников есть оговорка, что кафтан «шит по-стрелецки»⁴¹, т. е. имеет вид, необычный для повседневной одежды крестьян или горожан. Внешний вид русских воинов, в том числе и московских стрельцов, непохожий на традиционный гражданский костюм, подтверждается и свидетельством польско-украинского источника: «1677, липня 25. – Біла Церква. – Лист невідомого польського офіцера, у якому міститься донесення розвідника. – ...Примчав з табору козак, знайомий того посланця, с листом вид

гетьмана Самойловича до наказного гетьмана Лисенка, котрий залишається в Переяслави. Цей козак сказав, що в табори нараховується дванадцять тисяч московского войска, гарно и добре обмундированного на польский лад...»⁴².

Во всех трех указанных источниках кафтаны московских стрельцов имеют ряд общих признаков: длина подола – до середины голени; боковые нижние разрезы у подола, снабженные тремя застежками-«петлицами»; стояче-отложной воротник; нагрудные застежки-«петлицы»; широкий рукав, суженный к запястью.

Бердыши

Бердыш, как и красный кафтан, является неотъемлемой частью стереотипного образа московского стрельца. В отечественной исторической традиции утвердился некий общий стереотип о «массивности» бердыша. Вес и размеры реальных бердышей колеблются от 30 см до метра в длину и от 600–800 г до 1,5 кг без учета дровка.

Утверждение о том, что бердыш служил стрельцам и солдатам подшошком при стрельбе из мушкета, до настоящего времени не доказано ни одним исследователем. Подсошки («форкеты») были прекрасно известны в русской пехоте под своим собственным названием и активно поставлялись в полки: «...а мушкетов четыре тысячи, и банделеров и подсошек послать боярину Ивану Фёдоровичу Шереметьеву в память...»⁴³. Современники, русские и иноземцы, упоминали и подчеркивали в своих записках частую и меткую стрельбу русской пехоты, но не конкретизировали, каким образом, с подшошков, бердышей или вообще без них русские воины вели огонь. В то же время известно немало свидетельств использования московскими стрельцами европейской пехотной тактики. Например, в 1638 г. бил челом царю «потешник» Ивашко Ермис, который учил «ратному строению Иванова приказу Головленкова шестьсот человек стрельцов...»⁴⁴. В 1642 г. царь Михаил Федорович указал боярину Ф.И. Шереметьеву «быть на село Покровское июня в 16 день, на первом часу дня. И как к тебе вся наша грамота придет, и ты бы, боярин наш Федор Иванович, июня в 16 день приехал в село Покровское, да того ж числа на первом часу дня велел высылать на Покровское поле московских сотников и стрельцов Иванова приказу Головленкова, которые ныне оставлены на Москве, а для ученья велел с ними быть на Покровском поле немчину Ивану Ермису...»⁴⁵. В. Волков обратил внимание на то, что «...исследователи цитируют обнаруженные С.К. Богоявленским в столбцах влади-

мирского стола Разряда документы 1639 г. о первых попытках введения ратного обучения “приборных людей”. В них упоминается о распоряжении властей находившимся в Туле московским стрельцам пройти обучение у полковника Александра Крафтера, который должен был учить солдатскому строю личный состав стрелецких приказов Алексея Полтева и Михаила Баскакова...»⁴⁶. Возможно утверждать, что опыт обучения московских стрельцов европейской пехотной тактике не был единичной акцией в конце 30 – начале 40-х гг. XVII в. В битве при Басе «Борисова приказу Бухвостова ранен капитан, что дан для ученья стрельцов, Михайло Горзин...»⁴⁷. Патрик Гордон в начале 70-х гг. XVII в. также участвовал в обучении московских стрельцов: «боярин Илья Данилович Милославский собрал шестьсот солдат из нашего полка, определил их в новый стрелецкий полк и передал голове Никифору Ивановичу Колобову... В то же время мне было приказано обучить сего голову, или полковника, пехотной дисциплине...»⁴⁸. В русской пехоте, в том числе и в приказах московских стрельцов, использовался переводной устав «Учение хитрости ратного строя пехотных людей». Согласно этой книге, пехотинец должен был обслуживать мушкет обеими руками, в то время как подшошек-«форкет» висел на запястье солдата. Бердыш никак не мог быть использован подобным образом, т. к. остро отточенное лезвие неминуемо могло поранить или самого стрелка, или его соседа по строю. Кроме того, стрельцы, обученные стрельбе по уставу «Учение хитрости...», умели вести залповый огонь и перестраиваться различными способами. К сожалению, источники не указывают, как при выполнении этих построений стрельцы и солдаты управлялись с бердышами.

Таким образом, установить, насколько было возможно и удобно вести огонь, используя бердыш в качестве подшошка, стало возможно только средствами практического опыта.

В 2006 г. в мастерской В. Терехова (г. Тула) по заказу автора данной статьи была выполнена копия бердыша. За основу были взяты параметры бердыша из коллекции ГИМ, а также чертежи случайной находки из Чебоксарской области (в настоящее время экспонат хранится в частной коллекции), любезно предоставленные в распоряжение автора Д. Сятрайкиным, совпавшие по габаритам с бердышом из ГИМа. Копия была снабжена дубовым древком с упором, креплениями для ремня, погонным ремнем и подтоком – «копейцом». Внешний вид древка был реконструирован по фрагментам сохранившихся древков бердышей из коллекций Черниговского исторического музея, музея «Золотые ворота» (г. Владимир), Стокгольмского Арсенала.

Вес подлинного лезвия составил 800 г. Вес лезвия, выполненного В. Тереховым, с учетом отсутствия заточки, составил 1200 г. Вес древка со всеми составляющими составил 400 г. Таким образом, общий вес копии составил 1600 г.

Данная копия использовалась в опытах по проведению стрельбы из массогабаритной модели фитильного мушкета с упором на бердыш и без такового. Опыты были проведены в расположении группы военно-исторической реконструкции «Московские стрельцы», при активном участии и помощи А. Купченкова и С. Филимонова. Используемая модель мушкета является копией голландского мушкета 40-х гг. XVII в., состоявшего на вооружении русской пехоты в 40–60-х гг. XVII в. Вес модели мушкета составил 4,5 кг.

Опыты показали:

1. При обслуживании мушкета стрелку необходимы две свободные от посторонних предметов руки. Бердыш при этом может или стоять, воткнутый в землю, или висеть за плечами на погонном ремне. Одновременно бердыш и мушкет могут находиться в руках стрелка только в момент обслуживания полки.

2. Снять с плеча бердыш, держа при этом в одной руке готовый к выстрелу мушкет, достаточно неудобно и трудно.

3. Воспользоваться воткнутым в землю бердышом как подсошком можно, но бердыш должен быть очень крепко воткнут в землю, иначе он неизбежно падает. Кроме того, для подготовки выстрела необходимо вложить дула мушкета в вырез под «пером» бердыша. Стрелец выполняет это действие в три приема, что несколько замедляет стрельбу.

4. Острие бердыша из-за особенностей конфигурации, с одной стороны, ограничивает обзор стрелка, с другой – наоборот, не является серьезной помехой.

5. Вес мушкета не требует особенных подставок, стрелок вполне может обойтись без подсошка.

6. Упор мушкета на бердыш дает возможность более точного выстрела, т. к. у стрелка не устают руки от тяжести ружья.

Получается, что бердыш может быть использован в качестве подсошка. В то же время, стрелок может обойтись и без дополнительного упора. Оба способа равно удобны и имеют право на жизнь. Тем не менее, возможно утверждать, что далеко не всегда московские стрельцы и солдаты «нового строя» стреляли с упора на бердыш. По некоторым данным, в начале 50-х гг. XVII в. бердыши очень ограниченно присутствовали в арсенале русской пехоты, и эта ситуация изменилась только с 1656 г.⁴⁹ В 1660 г. в царском указе боярину В.Б. Шереметьеву, регламентировавшем вооруже-

ние пехоты, было отмечено, что “стрельцам, солдатам и драгунам надлежало иметь шпаги, а вместо бердышей короткие пики «с копейцы на обоих концах”. Бердышами вместо шпаг и пик вооружались двести человек в каждом стрелецком приказе и триста человек в каждом драгунском или солдатском полку...»⁵⁰. Мушкетами при этом снабжались все стрельцы в приказе.

Судя по данным источников, царь и командование не предъявляло каких-либо требований к развитию у стрельцов навыков рукопашного боя, тем более фехтования. При этом нельзя сказать, что подобные случаи не возникали на полях сражений. Стрельцам приходилось как атаковать противника с помощью холодного оружия, так и отбиваться, не прибегая к стрельбе. Например, во время осады турками Чигирина в 1677 г. московские стрельцы, находившиеся в гарнизоне осажденной крепости, не раз выходили с холодным оружием на вылазки: «эта вылазка была проведена с ручными гранатами, бердышами (обычно их называют «полумесяцами») и полупиками, а возле рва и на контрэскарпе разместили резерв из мушкетеров. Турки не ждали ничего подобного, и многие были взяты врасплох...», «отрядили по 200 человек в наилучшем снаряжении из каждого приказа и 800 казаков под началом двух подполковников. 10 (августа) около полудня они выступили, будучи вооружены бердышами и полупиками, – и столь решительно, что 24 турецких “знамени”, покинув траншеи и апроши, бежали к своим орудиям...»⁵¹. Но такие случаи были исключением, а не правилом. Эти исключения, как и требование умелой и стойкой стрельбы, были обусловлены той ролью, которая отводилась пехотным подразделениям на полях сражений воеводами и военными теоретиками XVII в. Пехота, как следует из основ голландской военной доктрины Морица Оранского, должна быть опорой для кавалерийских эскадронов и выступать своего рода мобильной стеной, неприступной для вражеской конницы, за которой кавалерия – в данном случае рейтары – может спокойно перестроиться, перезарядить оружие и атаковать снова⁵². Испанская и шведская военные доктрины, каждая на свой лад, но повторяли этот тезис⁵³. Активность пехотных батальонов не считалась эффективной и не рассматривалась как значимый элемент тактики. Как следует из военной доктрины Морица Оранского, а также из военного опыта Восточной Европы, основной ударной силой на поле боя являлась кавалерия – наследница рыцарских «копий». Неслучайно ряды конных подразделений, будь то поместное ополчение, гусарские хоругви или рейтарские роты, составляли преимущественно дворяне, в среде которых культивировалось умение владеть хо-

лодным оружием. Стрельцы принадлежали к другому сословию, созданному как раз для ведения огневого боя. Во второй половине XVII в. источники – наблюдения иностранцев, государственные документы и т. д. – фиксируют наличие в арсенале московских стрельцов полупик, бердышей и почти полный отказ от шпаг и сабель. Опыт Тринадцатилетней войны диктовал необходимость в передвижной защите от кавалерии – «рогатках» («испанских всадниках»), которые составлялись из полупик, и в эффективном оружии «последнего шанса» в случае рукопашной. Бердыши по своим боевым качествам превосходили сабли и шпаги во много раз.

В заключение следует отметить, что вопреки сложившемуся стереотипу московские стрелецкие приказы (полки) были и оставались боеспособными частями русской пехоты, что неоднократно доказали на полях сражений Тринадцатилетней (1654–1667 гг.) и русско-шведской (1656–1658 гг.) войн, во время подавления восстания Степана Разина 1670–1671 гг., в русско-турецкой войне 1672–1681 гг., Крымских походах В.В. Голицына, Азовских походах Петра I и в Северной войне 1700–1721 гг. Участие стрельцов в социальных и политических конфликтах никак не повлияло на уровень их боеспособности.

«Служилое платье» московских стрельцов являлось признаком элитных частей и отличалось любимым в России XVII в. многоцветьем. Холодное и огнестрельное оружие было рассчитано на успешное выполнение приказов командования.

Таким образом, сложившийся в конце XIX – начале XX в. стрелецкий стереотип не имеет ничего общего с реальными московскими стрельцами.

Примечания

- ¹ Романов М.Ю. Стрельцы московские. М.: ГПИБ, 2004. С. 46.
- ² Исторические песни. Баллады. М.: Современник, 1991. С. 453–454.
- ³ Бегунов Ю.К. Театр царевны Натальи Алексеевны и драма «Стрельцы» на петербургской сцене // Русская драматургия и литературный процесс: Сб. научных трудов. СПб.; Самара, 1991. С. 31.
- ⁴ Там же. С. 32.
- ⁵ Романов М.Ю. Указ. соч. С. 205.
- ⁶ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России // О древней и новой России: Избранная проза и публицистика. М.: Жизнь и мысль, 2002. С. 387.

- ⁷ *Погодин М.П.* Петр Первый и национальное органическое развитие // Петр Великий: Pro et contra. СПб.: РХГИ, 2003.
- ⁸ *Масальский К.* Стрельцы. М.: Пресса, 1994.
- ⁹ *Мусоргский М.П.* Хованщина: Оперное либретто. М.: Музыка, 1975.
- ¹⁰ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Соч.: В 18 кн. М.: Мысль, 1991. С. 225.
- ¹¹ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 102. Л. 5–12.
- ¹² *Мелешко В.И.* Могилев в XVI – середине XVII в. Минск: Наука и техника, 1988. С. 244–250.
- ¹³ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 296. Л. 1–25.
- ¹⁴ *Истомин М.* Рига и осада ее царем Алексеем Михайловичем: Труды археологического съезда. Т. 1. [Б. м., б. г.] С. 6.
- ¹⁵ *Костомаров М.Н.* Гетманство Выговского / Казаки. М.: Чарли, 1995. С. 100–108.
- ¹⁶ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен: 1657–1676. Кн. 6. М.: Изд-во АСТ; Харьков: Фолио, 2001. С. 56.
- ¹⁷ *Бабулин И.Б.* Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.). М.: Фонд «Русские витязи», 2015.
- ¹⁸ Там же. С. 180.
- ¹⁹ *Бабулин И.Б.* Битва под Полонкой, 1660 // Рейтар. 2003. № 15 (3). С. 70–84.
- ²⁰ Акты Московского государства, изданные императорскою Академиею наук: [В 3 т.]. Т. 3: Разрядный Приказ: Московский стол: 1660–1664 / Под ред. Д.Я. Самоквасова. СПб., 1901. С. 164.
- ²¹ Там же. С. 204–205.
- ²² *Малов А.В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656–1671 гг. М.: Древлехранилище, 2006. С. 196.
- ²³ *Буланин Д.* Оборона Чигирина в 1677 г. // Российское государство в XIV–XVII вв. СПб., 2002. С. 36–40.
- ²⁴ *Гордон П.* Дневник: 1677–1678. М.: Наука, 2005.
- ²⁵ *Буганов В.И.* Московское восстание в 1662 г. М., 1964.
- ²⁶ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. Т. 1–2.
- ²⁷ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. // Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. М.: Мысль, 1991. Кн. 7. Т. 13–14. С. 238.
- ²⁸ Восстание в Москве 1682 года: Сб. док. М.: Наука, 1976.
- ²⁹ Восстание московских стрельцов: 1698 год: Материалы следственного дела: Сб. док. М.: Наука, 1980.
- ³⁰ *Беспалов А.В.* Битвы Великой Северной войны. М.: Рейтар, 2005.
- ³¹ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 349. Л. 1.
- ³² *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. М.: РОССПЭН, 2000. С. 113.
- ³³ *Малов А.В.* Русская пехота XVII в.: Государево жалованье – служилое платье // Цейхгауз. 2002. № 1 (17). С. 15.

- ³⁴ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 364. Ч. 3 (2). Л. 69.
- ³⁵ Там же. Д. 349. Л. 1.
- ³⁶ Русско-шведские экономические отношения в XVII в.: Сб. док. М., 1960.
- ³⁷ *Радченко Д.А.* Ткани в обиходе московских стрельцов // Армии и битвы. 2009. № 11. С. 26.
- ³⁸ *Паласиос-Фернандес Р.* Московские стрельцы – «непременные войска» русского государства XVII в. // Цейхгауз. 1991. №1. С. 15.
- ³⁹ *Летин С.* XVII столетие: Стрелец // Империя истории. 2002. № 2. С. 15.
- ⁴⁰ *Малов А.* Указ. соч. С.15.
- ⁴¹ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. 2. С. 176.
- ⁴² *Мищик Ю.* Чигирин – гетьманска столиця. Киев.: Киево-Могилянска академия, 2007. С. 378.
- ⁴³ Акты Московского государства. Т. 2. С. 54.
- ⁴⁴ Там же. С. 101.
- ⁴⁵ Там же. С. 125.
- ⁴⁶ *Волков В.* Войны и войска Московского государства. М.: ЭКСМО, Алгоритм, 2004. С. 468–469.
- ⁴⁷ Акты Московского государства. Т. 3. С. 170.
- ⁴⁸ *Гордон П.* Дневник: 1659–1667. М.: Наука, 2002. С. 111.
- ⁴⁹ *Малов А.В.* Русско-польская война 1654–1667 гг. М.: Цейхгауз, 2006. С. 22.
- ⁵⁰ *Летин С.* Указ. соч. С. 17.
- ⁵¹ *Гордон П.* Дневник: 1677–1678. М.: Наука, 2005. С. 21.
- ⁵² *Roberts K.* Pike and Shot Tactics: 1590–1660. Oxford: Osprey Publishing Ltd., 2010. P. 32–33.
- ⁵³ *Ibid.* P. 43–46.